

УДК 821.161.1-3(Эренбург И. Г.)

Потапенко К. М. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Стилевые особенности книги И. Г. Эренбурга
«Война» (1941-1945)*

Аннотация. Исследование посвящено стилистическим особенностям сборника публицистики Эренбурга «Война» (1941–1945). На примере литературно-художественных произведений «Русский Антей» и «Одно сердце» показано, как в книге проявляются черты ораторского жанра панегирика. В ходе анализа этих произведений особое внимание уделяется субъектной, пространственно-временной организации, ассоциативному фону, интонационно-речевой организации. Анализ этих элементов позволит определить, какой образ мира создается в анализируемых произведениях Эренбурга.

Ключевые слова: военная публицистика, стилистические особенности, русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры.

Potapenko K. M. (Yekaterinburg, USPU)

*Stylistic features in digest of publicism of
I.G. Ehrenburg «War» (1941-1945)*

Abstract. The article is devoted to the style features of the collection of journalism Ehrenburg «War» (1941–1945). On the example of works «Russian Antey» and «One heart» shows how the book presents features of the genre panegyric. During the analysis of these works, special attention is paid to the subject, spatial and temporal organization, associative background, intonation and speech organization. The analysis of these elements will determine what image of the world is created in the analyzed works of Ehrenburg.

Keywords: military journalism, style features, Russian literature, Russian writers, literary works, literary genres.

В книге И. Эренбурга «Война. 1941–1945» ярко проступают черты панегирика, который выступал как основа в древнеримской гражданской лирике. В нем фразы построены риторически. Под панегириком понимается всякое восхваление, торжественное слово, затрагивающее вопросы государственной важности, содержащее похвалу какому-либо лицу или событию. В XIX в. панегирик как жанр исчезает, но его черты можно обнаружить в некоторых литературных произведениях. В этой статье мы рассмотрим, как черты панегирика проявляются в книге Эренбурга, какие элементы панегирика образуют стиль ряда произведений книги. Для этого проведем анализ художественно-публицистических произведений «Русский Антей» и «Одно сердце».

В ходе анализа обратим внимание на субъектную, пространственно-временную организацию, ассоциативный фон, интонационно-речевую организацию. Проведя анализ этих элементов, мы определим, какой образ мира создается в анализируемых произведениях Эренбурга.

В произведениях «Русский Антей» и «Одно сердце» восхваляется русский народ и его вековые ценности. Их идея заключается в изображении «русского сердца», в изображении единства и стойкости народа. Пафос состоит в выражении нравственного, духовного превосходства русского народа перед фашистами, в восхвалении единства и согласия народов Советского Союза. Главной темой и объектом изображения является народ.

Как и в панегирике интонация в представленных произведениях возвышенная. В статье «Одно сердце» автор обращается к фактам. Они, следуя один за другим, складываются в систему. Так «Одно сердце» начинается с критики противника: «Когда Гитлер решил покорить Европу, он рассчитывал не только на немецкие танки, он рассчитывал и на немецкую ложь. Немцы натравливали один народ на другой». Это напоминает принцип, который автор использует в памфлетах: жесткое обличение через критику и многочисленные факты. Если памфлет строится на усилении этого обличения, то в этом произведении мы видим движение фактов, риторическую структуру, которая в конце усиливается. Акцент делается образы и риторике. После критики появляется образ народа и родины: «Стойко дерутся на Западном фронте четыре бойца, четыре закадычных друга: узбек Учманов,

казах Карагуйдинов, татарин Беспалов и коренной москвич Беляев. Разное у них было детство. <...> Радисты сержант Рувим Спринцон, бойцы Михаил Тютев, Сергей Бубнов, Владимир Люкайтис проникли во вражеский окоп. <...> У нас много народов и у нас один народ. <...> У родины нашей много сыновей, но мать у нас одна». Интересен образ четырех солдат. Он становится образом-символом. Солдаты символизируют четыре стороны света: Татарстан – север, Узбекистан – юг, Казахстан – восток, Москва – запад. Четыре стороны складываются в единый образ России, что подчеркивает ее широкий территориальный охват. Хронотоп устремлен вширь. Через единичное передается нечто общее. Народ един в своем многообразии: «У нас много народов и у нас один народ», – пишет Эренбург. Здесь же актуализируется важная в годы войны тема матери. Мать как синоним родины. Народы – ее сыновья и защитники: «У родины нашей много сыновей, но мать у нас одна. Не бывает у человека двух матерей. Одна мать у всех наших народов – у русского и у белорусов, у украинцев и у казахов – родина. Не дадим мы нашу мать в обиду».

Голос автора-повествователя усиливается. Он говорит языком русского солдата, использует разговорную форму, иллюстрирует русскую поговорку. В финале мы видим: «Хитер немец, но не на дураков напал. Он не взял нас танками, не возьмет и немецкими “фиглями”. Есть поговорка: “Один горюет, мир воюет”. Мы вместе горюем и вместе воюем, вместе радуемся тому, что родная земля очищается от врага». И в конце статьи утверждается образ одного сердца: «У нас много народов, много разных языков, но у нас одно сердце». Самые священные образы фигурируют в статье, соединяются в одно целое, нечто сильное и жизнеутверждающее.

В построении произведения «Русский Антей» интонации возвеличивания сопутствует прием антитезы: автор все время противопоставляет русских бойцов немецким солдатам, показывая и восхваляя моральное и физическое превосходство первых. Антитеза состоит и в противопоставлении целостности и единения народов Советского Союза разобщенности и жестокости немецких захватчиков. Если образ народа возвышен, то образы противников приземлены. Образы противников даны в ироническом ключе, что снова напоминает черты памфлета: «Немцы озадачены мужеством защитников Сталинграда. Они философствуют:

“Почему русские не капитулируют?” <...> Немцы из “Биржевой газеты” удивляются: почему русские сражаются “в безвыходном положении?”» Но далее риторическая структура усиливается, факты – описание подвигов конкретных бойцов – перерастают в обобщение. Здесь описаны подвиги сержанта Ивана Бобрика, радиста Рувима Спринсона и трех его товарищей, летчика Бориса Голубева. Затем обобщение: «Это – будни боя, это то, о чем не пишут в сводках, это повседневное мужество наших бойцов. <...> Там люди. И люди сражаются: это – русские люди». Усиление риторики происходит и за счет средств выразительности. Звукопись: «Это будни боя». Повторяющийся звук «б» передает ударный ритм, будто маршевый шаг, уверенный и сильный, победный шаг солдата. Агрессивный «р» слышится во фразе: «Окруженные врагами, направляли огонь нашей артиллерии». Будто передает звуки артиллерии. Встретим и риторические вопросы: «Почему к этим развалинам не подходят бравые фрицы? Почему не развевается паучий флаг над Сталинградом?» Повторяющиеся в одном абзаце паузы, создаются за счет тире внутри предложений: «Это – будни боя», «Но там – не только камни, там люди», «Это – русские люди», «Все они – это жизнь России». Так фразы обретают особый ритм, который создается за счет звукописи, пауз, риторических вопросов. Это ритмическая структура, характерная для риторики панегирика. Так же здесь акцентируются метафоры: «Любовь к родине разлилась, как река в половодье, затопила все. Уже нет отдельной судьбы человека. Есть только судьба родины». Метафора реки, как символа движения и стрелы мирового пути, перерастает в тему судьбы, единой для всех: судьба человека тесно сплетается с судьбой родины.

Авторская позиция в данных панегириках выражается в том, что Эренбург верит в народ, любит и уважает своих соотечественников, своими словами вселяет народу веру в победу. Он прославляет русский народ, используя образы античности – образы мировой культуры. В названии панегирика «Русский Антей» фигурирует имя античного героя: «Антей – великан, сын Посейдона и богини земли Геи <...>, прикасаясь к земле, обретал новые силы и всегда побеждал своих противников». Так и русского бойца характеризуют его смелость, сила, стойкость и связь с родной землей. В ассоциативном поле возникает образ русского бы-

линного богатыря Ильи Муромца. В одной из былин он, будучи под навалившимся на него врагом, набирается, как Антей, силы от земли («лежучи у него силы прибыло») и сбрасывает с себя врага [Астахова 1958: 393]. Русским Антеем Эренбург называет не одного солдата или командира, а всех бойцов, жизнь каждого из которых связана с сотнями «дружеских жизней», с жизнью соотечественников, и в совокупности эти жизни составляют «жизнь России». Таким образом, с помощью образа Антея автор проводит мысль о мужестве и стойкости русского народа, о связи людей с родной землей, на защиту которой они встали.

В «Одном сердце» поэтизируется образ народа. Для этого автор обращается к образу сердца. В мифологии оно олицетворяет центр существа, центральную мудрость, смелость, и в целом жизнь. Наблюдается тяготение автора к эпическому стилю. Как писал А. Ф. Лосев: «Эпический стиль есть такой художественный стиль, который рисует нам жизнь того или иного человеческого коллектива, подчиняющей себе своими закономерностями решительно всякую личную жизнь ...» [Лосев: электронный ресурс]. Тяготение автора к эпическому стилю в данном случае всецело раскрывает его позицию: гордость за народ, вера в него, безмерная любовь к нему, понимание и выражение всех его чувств и переживаний. Специфика эпического стиля «есть примат общего над индивидуальным» [Лосев: электронный ресурс]. В произведении «Одно сердце» эпический стиль проявляется тогда, когда автор описывает действия и подвиги отдельных солдат. Здесь тема одного сердца расширяется: описания подвигов отдельных солдат, соединяясь в одно целое, показывают «будни боя», «повсеместное мужество бойцов». Подобным приемом автор тоже дает картину мужества и борьбы. Фразы обладают особым ритмом: четкий, ровный, размеренный. Это создается за счет пауз в середине предложения и перечисления, анафоры: «Для немцев наши поля – пространство. Для нас они – родина. Для немцев наши богатства – трофеи. Для нас они – наш пот, наша кровь, наша история. Для немцев русские женщины – рабыни. Для нас они – наши жены, наша любовь, наша жизнь».

Для изображения широкого пространства страны, автор изображает карту Советского Союза, которая дает широкую панораму, где изображаются не только географические объекты, но и

образ народа: «...четыре буквы: первое “С” – на Хребте Карпат, а “Р” – у Тихого океана». Создается образ географической карты Советского Союза. Это не просто карта и не просто буквы: в этот образ вкладывается мироощущение народов, проживающих на этой огромной территории. Образ карты передает величие страны, величие народа, проживающего в этой стране. Используя анафору, Эренбург акцентирует внимание на силе и правде, которой обладает народ, на уверенности в правоте своего народа. Он пишет: «Мы знаем, что правда с нами. Мы знаем, что с нами сила». Публицист для возвеличивания народа использует перифраз: народ он называет «народом Петра Великого и Пушкина, Ленина и Горького». Этим приемом автор показывает, что у народа есть много гениев, которыми народ может гордиться, которые многое сделали для своей страны. Эренбург предстает человеком культуры. Этот мощный культурный пласт ярко противопоставляется дикости захватчиков

В «Одном сердце» автор использует образ-символ ветвистого дерева. В мифологии этот образ отражает представления о древе жизни. Великое и окрепшее дерево автор сравнивает с государством. Как из крохотного деревца вырастает большое и великое дерево, так племена, преодолевая разобщенность, объединяются в мощную державу. Эренбург пишет: «Его [дерева] сердцевину опоясали круги. Каждый круг – год, и не счесть кругов». Эти круги символизируют тот длительный путь, который прошли народы, прежде чем объединиться. Кроме этого, круги вокруг сердцевины символизируют защиту, единство, бесконечность, которые происходят из единства народов и держатся на нем. Все, связанное с народом полно жизнью, проникнуто связью с родиной и природой. «Любовь к родине разлилась, как река в половодье, затопила все. Уже нет отдельной судьбы человека. Есть только судьба родины», – пишет Эренбург. Все, что касается изображения фашистов, окрашено в негативные тона: «Для немцев степь – это поле сражения, и только. Мы знаем, что эта степь пахнет пылью, для нас эта степь – родная». И снова мы видим анафору, которая, смешиваясь с антитезой, акцентирует внимание на различии миропонимания противников: «Для фашистов русские женщины – рабыни, для нас – наши жены, наша любовь, наша жизнь». Поэтизация образов, которая так ярко выражена в пане-

гирике Эренбурга, создает эпический стиль, показывает нам жизнь целой страны, которая обладает мощной силой, заключающейся в единстве ценностей и мироощущений.

Публицистику часто называют «лирикой в прозе»: «Лирику с публицистикой роднит субъективность. С одной стороны, она служит тем фактором, который определяет “фокус” зрения как публициста, так и поэта-лирика, а с другой – тем свойством художественного текста, который рождается под пером как публициста, так и поэта-лирика». Н. Л. Лейдерман отмечал, что у публициста можно найти интригующий сюжет размышлений, убедительную логику, риторические слова и высказывания, субъективность же лирического автора проявляется в эмоциях [Лейдерман 2010: 479]. Так в панегириках мы видим, как умело Эренбург использует ресурсы эпического стиля, обращаясь к образам-символам, сравнениям и развернутым описаниям, так же он выражает собственные чувства с помощью лексических средств, изменения интонации.

Итак, в произведениях «Русский Антей» и «Одно сердце» встречаем возвышенную интонацию, черты эпического стиля, поэтизацию образов, обилие средств выразительности и обращение к образам культуры, к мифопоэтическим образам. Эти приемы образуют стиль представленных произведений. В них создается единый образ, характерный именно для народа, объединенного под знаком Советского Союза. В мироощущении этого народа главное – культура, ценности, которые формировались веками и сохраняются сегодня. Автор предстает как человек культуры. И эти ценности, по мысли Эренбурга, помогают народу в нелегкой борьбе с захватчиками.

Литература

1. *Астахова А. М.* Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 393-419. – (Лит. памятники).
2. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с. – С. 479.
3. *Лосев А. Ф.* Гомер. – М.: Учпедгиз, 1960.

4. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати. – М.: Аспект-Пресс, 2006.

5. *Эренбург И. Г.* Война. 1941-1945. – М.: КРПА Олимп: Астрель: АСТ, 2004.